

Л. ЧЕРНЫШЕВА

РЫЦАРЬ ОПЕРЫ

Знакомьтесь: народный артист РСФСР
Н. К. Даутов

Мое знакомство с искусством Н. К. Даутова, ныне народного артиста РСФСР, началось более 20 лет назад в Казани. Даутов был тогда ведущим солистом Татарского оперного театра. Обладатель неповторимого по красоте лирического тенора, он пел партии Ленского, Ромео, Дубровского — героев возвышенных, романтических. Молодежь ходила в оперу специально «на Даутова», устраивала ему овалы.

Жизнь артиста, как бы она ни проходила, всегда удивительна, если он талантлив. Даутов одарен многогранно. Его никогда не грело единое «бель канто», с первого выхода на сцену его девизом было «думать, а потом петь». В созданных певцом образах, помимо поэтического обаяния, покорила откровение большой человеческой мысли. Он умел эту мысль играть.

Сегодняшний зритель может судить о драматическом даре Даутова по старой, военных лет киноленте «Сильва», где он след и сыграл Эдвина. Но эта опереточная роль, сыгранная далеко не по-опереточно, — лишь слабое отражение того, что Даутов делал в опере.

Он был студентом Московской консерватории, когда началась война. В армию его не взяли. Даутов стал артистом фронтового театра ВТО. На одном из спектаклей случился присутствовать звездам тех лет — Неждановой, Гольцер, Голованову. Шел «Евгений Очегин». Именные гости кричали: «Браво, Ленский!» Кто-

то из них позвонил В. И. Немировичу-Данченко. Тот пригласил молодого певца к себе домой на просмотр. Так Даутов попал в труппу театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Через два месяца он уже пел Ленского в спектакле, поставленном Станиславским в двадцатых годах. Вводила его в спектакль Мария Леонардовна Мельцер — одна из первых Татьян, работавшая еще со Станиславским. Мельцер изумлялась: Ленский Даутова поразительно совпадал с видением постановщика. «Вам кто-то рассказывал, что хотел от Ленского Константин Сергеевич», — говорила она. А Даутов шел за Пушкиным: ему казалось малостью играть просто крушение любви, он играл крушение веры юного поэта в идеалы — любовь, дружбу, человечность...

Всего одну партию и довелось спеть Даутову на сцене знаменитого театра. Но не будь этой страницы в его биографии, он, возможно, никогда бы не стал режиссером.

Вскоре после смерти В. И. Немировича-Данченко Даутов по направлению уезжает в Свердловск. Там он быстро занимает ведущее положение в труппе, становится любимцем публики, для него ставятся спектакли, там его снимают в «Сильве» А. Д. Ивановский, создатель популярных комедий «Музыкальная история» и «Антон Иванович сердится». Кино приносит Даутову новый градус известности. Его приглашают на гастроли лучшие оперные театры страны, он поет в Ленинграде, Тбилиси...

В 1953 году состоялся режиссерский дебют Даутова. Он поставил на свердловской сцене «Травиату» Верди. Почему, достигнув высот в своей певческой карьере, где до конца ее еще было далеко, он сделал шаг в сторону, оказавшийся

шагом в будущее? Вмешался, как часто бывает, случай. Даутова попросили восстановить «Богему» — вместо уехавшего режиссера. Проба сил открыла в нем внутреннюю необходимость такой деятельности.

1956—60 годы — казанский период — стали временем становления режиссерского мастерства Даутова.

Возвратившись затем в Свердловск, он ставит труднейшие произведения мирового оперного репертуара: «Отелло» Верди, «Опричник» Чайковского, «Зазна» Леонавалло, «Каменный гость» Даргомыжского. Столь желанные и столь редкие гости театральных подмостков! Когда в 1962 году они с успехом прошли на гастролях в Москве, пресса более всего писала о режиссерских, постановочных достижениях Даутова.

Через пять лет, спев Герману в «Пиковой даме», Нияз Курамшивич неожиданно для всех покинул сцену. Он мог еще петь и петь. Голос позволял. Не мог позволить себе в пятьдесят лет выходить на сцену восемнадцатилетним. Так и остался в памяти почитателей его таланта молодым и прекрасным, каким был на протяжении всех своих более чем 2.000 спектаклей.

Уйдя со сцены, Даутов не ушел из театра. Ему предложили возглавить труппу Челябинского театра оперы и балета. Девять лет отдал он этому коллективу. Поставил десятки спектаклей, выступал в плеяду замечательных певцов.

Вот тогда-то, во время гастролей театра в Оренбурге, и произошла моя вторая встреча с творчеством Даутова. Встреча, во многом неожиданная и от этого еще более впечатляющая.

Его постановки «Кармен», «Травиаты», «Севильского цирюльника» поражали глубиной и отсутствием шаблона, культурой и высоким вкусом всех компонентов. Это были драматические спектакли, где исполнители являлись зрителям не только вокалистами, но и лириками.

Поразило меня и отношение главного режиссера к молодым певцам. Помню, как во время представления «Кармен», которую мы слушали вместе с Даутовым, он сказал: «Пойду поздравлю Микаэлу — прекрасно провела второй акт». Микаэлу тогда начинающая Надежда Нефедова, ныне ве-

дущая солистка челябинской оперы. А в партии Кармен выступала известная пензенским любителям оперы Лилия Белова. Роль Хозе исполнял певец поистине сказочных способностей — Александр Дедик. Знатоки утверждали, что он напоминает знаменитого Жильди Нияза. Курамшивич откровенно восхищался Дедиком. Говорил, что его непременно «украдут». Дедик поет сейчас в Минске, недавно его солидный концерт транслировало Центральное телевидение. «Украли» еще многих. Но в удачах своих воспитанников, в том, что идут их творческие судьбы по восходящей, находит Даутов удовлетворение.

Тогда, в Оренбурге, Нияз Курамшивич рассказывал о своих планах «ухода на покой». Им не суждено было сбыться. Даутова пригласили на родину — в Казань. И сегодня он — главный режиссер Татарского государственного театра оперы и балета имени Мусы Джалиля, гастролирующего в нашем городе.

В спектаклях, поставленных Даутовым, во всем блеске раскрываются певцы, прошедшие и принявшие его школу оперы. Так раскрылась в «Травиате» Людмила Башкирова.

«Травиату» Даутов ставил пять раз. Я шла в театр с еще живым впечатлением от давней челябинской постановки. И увидела совсем другой спектакль. Услышала оперу, словно написанную другим композитором. Многомерная, глубокая, достигающая трагических высот музыка казалась незнакомой. Режиссер высвободил ее из искусственного русла, созданного несметным числом постановок, и она потекла естественно, свободно. Даутов восстановил малейшие купюры в партитуре, реабилитировал их. И опера зазвучала свежо, прелестно.

Мы увидели строгий, лишенный всякой мелодраматической слабости спектакль. В Биодетте — Башкировой не было привычных примет дамы полусвета. Ни намек на позу — проста, искренна и добра была она в своем подвиге, во имя любви. Невольно приходило на память, что прообразом Даутов с камелиями послужила деревенская девушка Мария де Плюссон. Такая Виолетта близка, понятна и дорога нам. Чи рассказание Жермона,

ни возвращение Альфреда не смягчают ее смерти — в финале этого спектакля нет умиренности. В наших глазах Виолетта остается жертвой бесчеловечности дурно устроенного общества. Гибель этой прекрасной души нельзя возместить...

К сожалению, в гастрольной афише только два спектакля Даутова. Мы не увидели «Федора Протасова» — оперу В. Д. Гюлиана по пьесе Л. Н. Толстого «Живой труп». Режиссер готовится к постановке «Чио-Чио-Сан» Пуччини с Л. Башкировой — мадам Баттерфляй. Он думает о «Порги и Бесс» Гершвина и «Кате Кабановой» Яначека. Даже на первый взгляд ясно, что объединяет эти произведения. Все они — о великой силе любви: Даутов верен этой теме на протяжении всего творческого пути.

Режиссерский девиз Даутова — сделать слышимое видимым, а видимое слышимым. В его постановках живут предметы: платок, книга, железные украшения... Декорации, свет и цвет перестают исполнять роль красивого обрамления — они тоже «поют» музыку Верди, Чайковского, Россини... А главное — в плоть и кровь одеваются образы: все певцы в постановках Даутова становятся хорошими актерами.

Кажется, ничего необычного. Все просто. Но самый консервативный жанр вдруг является нам самым современным.

«Опера — сундук с двойным дном, но он заперт и ключ выброшен в океан», — эти слова В. А. Покровского привели мне когда-то Нияз Курамшивич, прибавив при этом: «Мы сами его выбросили, когда привыкли в опере только петь».

Даутов, думаю, как раз из тех режиссеров, которым суждено открыть бабушкин сундук. Наноооооо яркая черта его постановочного почерка — разрушение штампов. Он отвергает розовый стандарт и самую симпатичную ординарность. Ему чужды прекраснотупый оптимизм и патетика сентиментальности. Он ищет в опере социальную остроту и философские глубины. И воспекает поэзию истинной человечности.

Пенза